

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2024. № 3 (80). С. 22–31.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2024. Vol. 3 (80). P. 22–31.

Научная статья
УДК 94(574)
doi: 10.54398/1818-510X.2024.80.3.002

**«ЖДИ ГОРЯ С МОРЯ, А БЕДЫ ОТ ВОДЫ»: О ВОДНЫХ СТИХИЙНЫХ БЕДСТВИЯХ
В КАЛМЫЦКИХ СТЕПЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.**

Шургучиева Юлия Сергеевна^{1✉}, Батыров Валерий Владимирович²

^{1, 2} Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова, г. Элиста,
Россия

¹ sidorkina.yuliya.20@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-1538-8429>

² valerabatyrov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9014-4910>

Аннотация. Исследуются вопросы организации помощи пострадавшим от стихийных бедствий (наводнений и дождевых бурь) инородческими управлениями в условиях кочевого общества во второй половине XIX в. на примере двух калмыцких улусов: Яндыко-Икицохуровского Калмыцкой степи Астраханской губернии и Большедербетовского улуса Ставропольской губернии. Актуальность исследования продиктована сохранением угрозы затопления в современных условиях. Источниковую базу исследования составила делопроизводственная документация, впервые выявленная в фондах Государственного архива Астраханской области, Государственного архива Ставропольского края, Национального архива Республики Калмыкия и Российского государственного исторического архива. Особое внимание в исследовании уделено действиям властей, в ходе которых устанавливались численность пострадавших и масштабы ущерба, прежде всего павшего скота и поврежденных кибиток. По каждому стихийному бедствию, принесшему жертвы и нанесшему ущерб населению, незамедлительно докладывалось по инстанциям в столицу, министерства и императору. Основным инструментом, выступившим в деле организации помощи пострадавшим, стал калмыцкий общественный капитал. Общество не оставалось в стороне от трагедии. Каждый стремился внести посильную лепту в помощь однопородцам и, прежде всего, это буддийское духовенство. Авторы, акцентируют внимание на то, что население Калмыцкой степи, несмотря на засушливые климатические условия, подвергалось наводнениям со стороны Каспийского моря и дождевым бурям.

Ключевые слова: Калмыцкая степь, Астраханская губерния, Большедербетовский улус, мочаги, стихийное бедствие, наводнение, дождевая буря, общественный калмыцкий капитал, инородческая администрация, ущерб, пострадавшие

Благодарности: исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-18-00313 «Трансформация кочевых обществ Юга России в контексте природно-климатических факторов (XIX – середина XX в.)» (<https://rscf.ru/project/22-18-00313>).

Для цитирования: Шургучиева Ю. С., Батыров В. В. «Жди горя с моря, а беды от воды»: о водных стихийных бедствиях в калмыцких степях второй половины XIX в. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2024. № 3 (80). С. 22–31. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2024.80.3.002>.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

“EXPECT GRIEF FROM THE SEA, AND TROUBLE FROM THE WATER”:
ABOUT WATER DISASTERS IN THE KALMYK STEPPES
OF THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

Julia S. Shurguchieva¹, Valery V. Batyrov²

^{1, 2} Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov, Elista, Russia

¹ sidorkina.yuliya.20@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-1538-8429>

² valerabatyrov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9014-4910>

Abstract. The issues of organizing assistance to victims of natural disasters (floods and rain storms) by foreign administrations in the conditions of a nomadic society in the second half of the 19th century are explored, using the example of two Kalmyk uluses: Yandyko-Ikitsohurovsky uluses of the Astrakhan province and Bolshederbetovsky Stavropol Territory. The source base for the study consisted of office documentation, first identified in the funds of the State Archives of the Astrakhan Region, the State Archives of the Stavropol Territory and the National Archives of the Republic of Kalmykia Russian and State Historical Archive. Particular attention during the study was paid to the actions of the authorities, during which the number of victims and the scale of damage, primarily dead livestock and carts, were established. For every natural disaster that brought casualties and caused damage to the population, it was immediately reported down the chain to the capital, the emperor. The main instrument in organizing assistance to the victims was Kalmyk social capital. Society did not remain aloof from the tragedy. Everyone sought to make a contribution within their power to help the people of their kind, and, above all, the Buddhist clergy. The authors emphasize that the population of the Kalmyk steppe, despite the arid climatic conditions, was subject to floods from the Caspian Sea and rain storms.

Keywords: Kalmyk steppe, Astrakhan province, Bolshederbetovsky ulus, mochagi, natural disaster, flood, rain storm, public Kalmyk capital, foreign administration, damage, victims

Acknowledgments: the work was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-18-00313 “Transformation of nomadic societies of the South of Russia in the context of natural and factors (XIX – mid XX centuries)” (<https://rscf.ru/project/22-18-00313/>).

For citation: Shurguchieva Ju. S., Batyrov V. V. “Expect grief from the sea, and trouble from the water”: about water disasters in the Kalmyk steppes of the second half of the 19th century. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2024, no. 3 (80), pp. 22–31. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2024.80.3.002>.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Калмыцкая степь в начале второй половины XIX в. представляла собой административно-территориальную единицу Астраханской губернии в составе семи улусов¹: Багацохуровский, Эркетеновский, Яндыко-Икицохуровский, Малодербетовский, Большедербетовский² и Харахусо-Эрдниевский [17, с. 349]. Кочевья калмыков располагались в степях по правому берегу Волги и по рекам Сарпе, Салу, Манычу и Куме до побережья Каспийского моря, частично переходили на левый берег Волги. В хозяйственном отношении благоприятные земли находились в районе Эргеней. Другая часть калмыцких земель представляла собой степную территорию: безлесную, мало-водную и покрытую песками и солончаками. Побережье Каспийского моря, поросшее камышом, представлявшим собой как кормовую базу, так и убежище и для людей,

¹ Улус – административная территориальная единица, управляемая нойоном во владельческих улусах и правителем в казённых.

² На основании указа императора Александра II «Порядок заведывания кочующими в Ставропольской губернии калмыками, и о новой пограничной черте между Ставропольской и Астраханской губерниями» от 13 марта 1860 г. Калмыцкая степь в Ставропольской губернии была переведена из-под юрисдикции астраханских губернских властей к ставропольским.

и для скота, называлось мочагами. Поэтому побережье Каспийского моря и так называемые Чёрные земли и юго-восточной части Калмыцкой степи являлись местами зимней кочёвки большинства калмыков [16, с. 228]. Как утверждал известный исследователь в области истории кочевых народов профессор А. Н. Команджаев, «жители прикаспийской части Яндыко-Мочажного и Эркетеновского улусов являлись морскими ловцами. В основном это были хозяева, лишённые скота, и потому перешедшие к рыболовству» [6, с. 118]. Прибрежная территория представляла собой опасность резкого юго-восточного ветра, дувшего с моря – моряна.

Актуальность исследования продиктована сохранением угрозы затопления и в современных условиях. Предметом исследования данной статьи выступают природные катаклизмы на примере наводнений и дождевых бурь, происходивших во второй половине XIX в. в калмыцких степях. Рассматривая проблема, несмотря на её актуальность, не получила должной разработки в отечественной историографии. Безусловно, в рамках истории социально-экономического развития Калмыцкой степи XIX – начала XX в. отдельные аспекты данной проблемы получили освещение в современном калмыковедении [6; 13; 8; 20].

Исследование построено на основе историко-географического и историко-антропологического подходов, что обусловлено изучением отдельно взятой территории, представляющей собой локальную динамическую подсистему – Калмыцкую степь – в составе двух губерний: Астраханской и Ставропольской. Как отмечала группа международных исследователей, регион наряду с комплексом взаимодействия между этническими и конфессиональными группами – «это земля и климат» [18, с. 10].

Источниковую базу исследования составили документы, выявленные в фондах «Управление калмыцким народом» Национального архива Республики Калмыкия, «Главный пристав кочующих народов Ставропольской губернии» Государственного архива Ставропольского края, «Канцелярия астраханского военного губернатора» Государственного архива Астраханской области и «Первый департамент МГИ» Российского государственного исторического архива.

Проведённый анализ с применением проблемно-хронологического метода позволил последовательно рассмотреть происходившие в калмыцких степях стихийные бедствия и проследить логику развития происшествий. Акцент на действия местных и столичных чиновников имеет неоспоримую актуальность и в настоящее время, помогая извлечь практический опыт решения проблем для современных органов власти. В ходе исследования был использован также метод реконструкции, с позиций которого восстановлены отдельные эпизоды рассматриваемых событий.

Основная часть

Наводнение 1853 г. в Яндыковско-Икицохуровском улусе

12 января 1853 г. попечитель Яндыко-Икицохуровского улуса коллежский секретарь Л. Куханский направил рапорт астраханскому военному губернатору Г. Г. Басаргину, сообщив о разразившейся 10 января с 7 ч вечера буре со стороны моря, в результате которой были затоплены все мочажные места, где расположились на зимовку целые хотоны¹. Вода поднялась более чем на две сажени (4,27 м), заполнив все затоны и пригнав к берегам множество судов [3, л. 1]. Первое сообщение о жертвах стихии последовало уже 20 января от калмыка Цатанова рода Эркетеновского улуса Теке Хотанова, который рассказал улусной администрации о случившемся 10 января наводнении. Его кибитка, в которой были жена и четверо малолетних детей, находилась недалеко от ставки за ериком Эргечкин хол, когда пришла вода. Все они погибли [3, л. 46–46 об.].

24 января главный попечитель калмыцкого народа генерал-майор М. И. Тагайчинов, прибыв на место происшествия, рапортом докладывал Басаргину о стихийном

¹ Мочаги – низменные пространства на юго-востоке Калмыкии, прилегающие к дельте Волги.

бедствии, произошедшем на низменных местах, прилегавших к побережью Каспийского моря и служивших зимними кочевьями для четырёх улусов. Несмотря на прекращение разгула стихии, добраться до пострадавших всё ещё было невозможно. Прибывшая во время бури вода принесла с собой глыбы льда и на возвышении замерзла, а в низменной части проезд затруднялся оставшейся водой, местами покрытой тонким слоем льда. С целью определения масштабов трагедии и оказания помощи пострадавшим по распоряжению Тагайчинова в отдалённые части улуса были направлены чиновники. В таких условиях получить точные сведения о числе погибших и пострадавших во время стихии не было возможности. На момент подготовки рапорта сведения были известны только по Яндыковскому улусу, на территории которого пострадало 120 кибиток. Люди, которых стихия застала ночью, лишились всего своего скота, кибиток и имущества. Тревогу местных властей вызывала судьба калмыков Цатанова рода «искони зимой как рыболовы, кочевавшие по самому побережью Каспийского моря на низких местах, служащих им обыкновенно защитой от стужи и средством к отоплению» [3, л. 43]. Тагайчинов при выезде из Астрахани взял с собой из средств калмыцкого общественного капитала 400 руб. серебром для организации первой помощи пострадавших и отметил, что «по числу потерпевших сумма эта, даже для первоначального пособия, будет недостаточна» [3, л. 44]. По утверждению исследователя местного самоуправления калмыцкого народа И. В. Лиджиевой, осуществление ассигнований в случае экстремальных ситуаций в инородческой среде относилось к экстраординарным расходам, для которых и создавался общественный капитал [10, с. 5].

Находясь уже непосредственно на территории пострадавших улусов, главный попечитель калмыцкого народа с целью полного учёта числа пострадавших и организации помощи им выдвинул предложение учредить особый комитет. Последующие несколько дней показали, что людям, кроме пищи, была нужна ещё и теплая одежда. По утверждению М. И. Тагайчинова, «оказываемое пособие есть только временное, чтобы сохранить, по возможности потерпевших и всего лишившихся калмыков» [3, л. 131].

Донесения, поступающие от чиновников, позволили воссоздать картину бедствия. Так, большей части калмыков, кочевавших на острове Чапур (Морская Чапура), удалось спастись, за исключением 84 чел. утонувших. Оставшиеся в живых потеряли всё своё имущество, кибитки и скот. Им была послана первая помощь продуктами (мука и калмыцкий чай) и одеждой. Попечителю Мочагов титулярному советнику Г. Ф. Сердюкову удалось собрать предварительные сведения за первые дни трагедии о количестве унесённых водой кибиток, лодок, рыболовных снастей, бытового имущества и домашнего скота (см. табл. 1). Полученные данные свидетельствовали о 87 погибших, среди которых были малолетние дети. В первой графе «Пострадавшие» указаны имена калмыцких зайсангов, управлявших аймаками¹, а также юртовских татар. Последние как этническая группа сформировались на ногайской основе после завоевания Россией Астраханского ханства. Со временем от неё отделилась небольшая группа, поселившаяся в приморской части Калмыцкой степи – в Мочагах, на начало 50-х гг. XIX в. насчитывавшая 1 212 чел., которые занимались главным образом скотоводством и рыболовством [2, с. 152].

Приводя точные сведения о числе пострадавших на подведомственной ему территории, Г. Ф. Сердюков отмечает, что в первую неделю потерпевшие от этого несчастья люди «призываются у однородцев и родственников своих, и у них же кормятся» [3, л. 69]. «Проявление благотворительности было не чуждо как представителям привилегированных сословий, так и беднейшему населению» [8, с. 199]. Сообщение о случившейся трагедии распространилось по степи. Каждый, кто мог оказать помощь, направлял её пострадавшим. Так, например, из донесений попечителя Харахусо-Эрдниевского улуса титулярного советника Г. К. Рославлева следует, что калмыки

¹ Аймак – административно-территориальная единица в составе улуса, управляемая зайсангом.

подведомственного ему улуса, в том числе, священнослужители, направили пострадавшим 32 доски калмыцкого чая, 21 барана и 100 пудов проса [14, л. 20].

Таблица 1. Сведения об ущербе, понесённом от наводнения 1853 г. [3, л. 68–68 об.]

№	Пострадавшие	Имущество	Количество скота	Сумма ущерба
1.	Нарын Доржаев	27 кибиток, 1 лодка, 80 снастей	47 голов крупного скота, 11 лошадей	2 255 руб. 5 коп.
2.	Тере Бата	112 кибиток, 31 лодка	763 голов крупного скота, 50 лошадей,	–
3.	Галя Самтанов	61 кибитка	340 рогатых скотин, 100 баранов, 50 коз	3 395 руб. 50 коп.
4.	Юртовские татары	–	16 верблюдов, 22 лошади, 23 рогатого скота, 393 овцы	1 833 руб.
5.	Амгулун Манханов	25 кибиток	99 голов рогатого скота, 38 баранов, 12 коз	1 179 руб.
6.	Дорбыш Баиров	–	10 голов рогатого скота	195 руб.
7.	Эрдени Убушиев	1 кибитка	22 головы рогатого скота, 25 коз, 17 лошадей	874 руб. 99 ½ коп.
8.	Шарус Багутов род	7 кибиток	–	141 руб.
9.	Тюрбе Самтанов	–	–	15 руб.
Всего:				6 325 руб. 4 ½ коп.

2 февраля Г. Г. Басаргин предоставил главному попечителю калмыцкого народа М. И. Тагайчинова все полномочия по разрешению сложившейся ситуации в зоне бедствия [3, л. 64].

Министр государственных имуществ граф П. Д. Киселев 14 февраля, поддержав инициативы главного попечителя калмыцкого народа, обязал создаваемый комитет руководствоваться правовыми нормами высочайше утверждённого 23 апреля 1847 г. положения «Об управлении калмыцким народом», а средства на организацию помощи заимствовать из средств общественного калмыцкого капитала [3, л. 85 об.–86]. Через два дня П. Д. Киселев представил императору Николаю I доклад о наводнении в Калмыцкой степи, по результатам которого последовало высочайшее повеление об оказании помощи пострадавшим. Кроме того, министр признал нужным независимо от оказываемой уже пострадавшим помощи принять меры к предупреждению дальнейших последствий, путём обеспечения пострадавших продовольствием и скотом.

Деятельность Комитета для пособия пострадавшим от наводнения

Созданный по предложению М. И. Тагайчинова Комитет для пособия пострадавшим от наводнения (далее – Комитет) начал свою работу 30 марта в главной ставке Яндыковского улуса под председательством советника Отделения ордынских народов Астраханской палаты государственных имуществ, надворного советника А. И. Николаева. В состав Комитета вошли лесничий Заусцинский, попечители Яндыковского улуса и Мочагов, а также их помощники и правители улусов. Основной задачей Комитета являлось определение численности пострадавших и суммы ущерба с уточнением числа душ в каждом семействе, как рабочих, так и не рабочих, объёмов уничтоженного имущества, размер и вид необходимой помощи [3, л. 133]. Комитет представил в Астраханскую палату государственных имуществ ведомости за подписями всех его членов, а также «добросовестных из числа калмыков», подтвердивших их подлинность. В соответствии с указаниями главного попечителя М. И. Тагайчинова данными попечителю Яндыко-Икицохуровского улуса, «чтобы устранить подлог или домогательства на пособия, превышающие настоящие потребности, в каждом хотоне из потерпевших

от наводнения следует иметь по два или по три добросовестных калмыков, которые по приводе к присяге должны, объясняя настоящие потери каждого просителя, способствовать Комитету и в определении меры пособия» [14, л. 9].

В ходе работы Комитета было выявлено 514 семейств калмыков численностью 2 136 чел. Яндыко-Икицохуровского, Багацохуровского, Эркетеновского и Харахусовского улусов, пострадавших от наводнения, «большая часть из которых находилась в совершенной бедности, не имея ни кибиток, ни скота, ни платья». Из всего числа трудоспособных было только 126 чел. и 1 512 женщин, малолетних детей и стариков. Пособие было назначено 446 семьям как совершенно ничего не имеющим. Дальнейшая работа членов Комитета привела к классификации семей, пострадавших от наводнения, на четыре разряда для соразмерного назначения пособия:

- I разряд – 148 семей, потерявших кибитки, весь или большую часть скота, фураж и имущество;
- II разряд – 103 семьи, которым удалось сохранить кибитки, но в ходе непогоды была утрачена часть скота и фуража;
- III разряд – 116 семей, не утратившие свой скот, но потерявшие кибитки или имущество;
- IV разряд – 147 семей, утратившие незначительную часть скота и имущества, но эти потери не понесли за собой изменение материального положения. Эти семьи лишались права на пособие, т. к. по решению Комитета «у них осталось достаточно для обеспечения быта» [3, л. 141–141 об.].

В общей сложности насчитывалось 367 семей, которые должны получить помощь за счёт средств общественного капитала, выражавшуюся в следующих размерах, в зависимости от разряда (см. табл. 2). Члены Комитета сочли семейства, отнесённые к разряду.

Таблица 2. Распределение финансовой помощи пострадавшим по разрядам [3, л. 141 об.]

Разряд	Кибиток	Рогатого скота		Размер компенсации за утраченное имущество и на восстановление и покупку кибиток (по 12 руб. 50 коп. и 25 руб. соответственно)	Всего, руб.
		Число	Стоимость (из расчёта от 12 до 15 руб. за голову)		
I	144 ½	258	от 3 096 до 3 870	3 619,50	от 6 708,50 до 7 482,50
II	–	160	от 1 920 до 2 400	–	от 1 920 до 2 400
III	100 ½	–	–	2 512,50	2 512,50
Всего	245	418	5 016–6 270	6 387	11 403–12 657

Из приведённых в таблице 2 данных следует, что на восстановление кибитки выделялось 12 руб. 50 коп, а на её приобретение – 25 руб. серебром. По утверждению попечителя Калмыцкого базара, приобретение калмыцкой кибитки вызывало затруднения в связи с отсутствием её в продаже. В то время как по данным, представленным Астраханской городской думой, её стоимость составляла 65 руб. серебром. Восстановление в пределах 25 руб. или 12 руб. 50 коп. было возможно только для джолума (жолм – калм.). По описанию историка-этнографа, профессора У. Э. Эрдниева, джолум – это шалашеобразная полукибитка, представлявшая собой одну купольную часть кибитки (без стенных решёток), которая устанавливалась прямо на землю [21, с. 272]. Решение вопроса восстановления жилья за счёт выделенных средств передавалось самим пострадавшим.

Комитет принял решение о выделении пострадавшим семьям крупного рогатого скота в натуральном виде. Попечителям Эркетеновского улуса А. М. Пршесмыцкому и Харахусовского улуса М. Г. Рославлеву, заведующему Икицохуровским улусом Бухарину было поручено «пригласить калмыков к продаже по выгоднейшим ценам

418 коров не моложе трёх и не старше семи лет» [14, л. 1]. В соответствии с договоренностями, осуществлёнными чиновниками с продавцами скота, покупка и последующая передача скота новым владельцам должна была быть произведена в ставке Яндыковского улуса в присутствии главного попечителя калмыцкого народа и ветеринарного врача. В рапорте от 12 января 1854 г., направленном министру государственных имуществ, М. И. Тагайчинов отметил тот факт, что скот «куплен у калмыков и калмыкам же роздан, так что получившие пособие знают, у кого и по какой цене куплено, а продавцы других улусов были свидетелями кому, сколько дано коров, самые же деньги остались все в калмыцком народе» [19, л. 136].

В итоге, кроме средств, направленных на оказание помощи местными чиновниками в первые дни трагедии, дополнительно с целью приобретения кибиток и скота, на основании расчётов Комитета, по высочайшему повелению было выделено 12 657 руб. серебром. Для 360 семейств калмыков казённых улусов за счёт общественного капитала, а для семи семейств калмыков владельческого улуса, состоявшего под опекой, в виду несовершеннолетия владельца, из албанной суммы, т. е. на доходы владельца [19, л. 127 об.].

Учитывая расстроенное хозяйство переживших наводнение калмыков, Астраханская палата государственных имуществ признала необходимым освободить их на пять лет от всех повинностей [14, л. 62]. Все предложения по оказанию помощи пострадавшим калмыкам были озвучены 26 октября 1853 г. в Царском Селе во время высочайшего доклада министра государственных имуществ П. Киселева. Резолюция, озвученная императором и отмеченная на тексте доклада П. Д. Киселевым, гласит: «Высочайше повелено исполнить» [19, л. 127].

После завершения основных мероприятий по оказанию помощи пострадавшим, в июле 1853 г. главный попечитель калмыцкого народа генерал-майор М. И. Тагайчинов, подводя итоги, направил представление военному губернатору о награждении «за человеколюбивый подвиг» приказного Яндыковской команды Ильи Васильевича Пономарёва и калмыка Арзгара Анджиева. Во время наводнения калмыки аймачного зайсанга Барунова рода Кекшина Оргечкиева Балдыр Джугаев с женой и детьми, а также аймачного зайсанга Эрдени Ходжаева Менгун Утнасунова с двумя дочерьми и Шарип Зунгру Одгонов с матерью, женой и детьми, «избегая смерти, спасались более двух суток на стоге сена, где должны были погибнуть от холода и голода, потому что по стремительности воды и рыхлости льда, никто из видевших их, не решались пробраться к стогу, окружённому водой, и с каждой минутой угрожавший совершенным затоплением» [3, л. 127]. В результате действий Пономарёва и Анджиева было спасено 13 чел. По запросу канцелярии главного попечителя калмыцким народом наказной атаман Астраханского казачьего войска ответил, что ни один из представленных к награде не состоял ни под судом, ни под следствием, что позволяло быть удостоенным награды. Всем чиновникам, принимавшим участие в спасательной операции, в соответствии с предписанием первого департамента министерства государственных имуществ от 27 февраля 1854 г. была объявлена «признательность» министра [19, л. 148].

В свою очередь благодарность калмыцкого народа за оказанную помощь была озвучена в рапорте главного попечителя: «калмыки, так и их родоначалники, т. е. правители, зайсанги и старшины приняли с чувством глубочайшего благоволения к Августейшему Монарху и сердечной признательностью к отеческой заботливости» [19, л. 136].

Водные стихийные бедствия в других улусах степи

Летом 1879 г. по поручению министра государственных имуществ П. А. Валуева чиновник особых поручений барон Н. И. Вревский посетил калмыцкие степи с целью изучения их хозяйственного состояния. В своём рапорте, подготовленном по результатам исследования, он приводит сведения о том, что в декабре 1877 г. Калмыцкую степь постигло наводнение, от которого больше всего пострадало население Мочагов,

а также Эркетеновского и Яндыковского улусов [12, л. 588]. По утверждению В. В. Батырова, барон Н. И. Вревский описал слабость и неустойчивость калмыцкого скотоводства [1, с. 34].

Как свидетельствуют документы из фонда «Управление главного пристава кочующих народов» Государственного архива Ставропольского края, отсутствие в ближайшем окружении людей крупных рек или морей не гарантировало им безопасность от водных трагедий. Так, в октябре 1890 г. попечитель Большедербетовского улуса титулярный советник П. П. Сахаров сообщил главному приставу кочующих народов Ставропольской губернии подполковнику А. А. Самойлову о сильной буре с дождём, случившейся 31 августа. По свидетельству современников, климат в Большедербетовском улусе был континентальный: в летнее время – жаркий, в осенне-зимний период – сырой [5, с. 144; 11, с. 48].

В рапорте дано подробное описание случившейся трагедии: «буря эта прошла полосой, захватив Будульчинов и Икичносов рода, и была настолько сильна, что кибитки калмыков срывало с места и уносило на несколько сажень, причём остальные части кибиток изломаны и повреждены так, что из четырёх-пяти кибиток нельзя собрать одной. Находившаяся в кибитках домашняя утварь также сильно повреждена, а в некоторых приведена в полную негодность. Было несколько случаев уноса и затопления водой домашних животных. Несчастных случаев с людьми не было» [4, л. 1]. Составив подробный отчёт о нанесённом ущербе, попечитель ходатайствовал об оказании помощи пострадавшим. Сообщение о трагедии, произошедшей в Большедербетовском улусе, стало темой всеподданнейшего доклада, представленного 10 декабря императору Александру III министром государственных имуществ М. Н. Островским. По результатам представления в тот же день поступило высочайшее соизволение на отчисление 3 481 руб. 71 коп. пострадавшим от бури 174 калмыкам двух родов Большедербетовского улуса. Сообщение об императорском волеизъявлении было направлено 13 декабря 1890 г. М. Н. Островским ставропольскому губернатору Н. Е. Никифору [4, л. 7]. А уже 4 февраля следующего года улусный попечитель отчитался по освоению финансовых средств, выделенных в помощь пострадавшим.

Выводы

Таким образом, проведённое исследование показало, что население Калмыцкой степи, несмотря на её засушливые климатические условия, подвергалось не только дождевым бурям, но и наводнениям со стороны Каспийского моря. Водные стихии, являясь редким природным явлением в степных широтах Нижнего Поволжья, приводили к жертвам среди населения и наносили значительный ущерб хозяйству.

Анализ делопроизводственной документации инородческого управления позволил восстановить механизм оказания помощи пострадавшим от стихийных бедствий в условиях кочевого общества на примере Яндыко-Икицохуровского улуса Калмыцкой степи Астраханской губернии и Большедербетовского улуса Ставропольской губернии. По каждому стихийному бедствию чиновники на местах собирали сведения, характеризовавшие полную картину последствий природных катаклизмов, о чём незамедлительно докладывалось по инстанциям в столицу, императору. Несмотря на отдалённость Калмыцкой степи от центральных властей, местный чиновничий аппарат в экстремальных условиях принимал на себя ответственность за ликвидацию последствий, стремясь оказать первую помощь пострадавшим, а затем организовать ряд мероприятий, направленных на поддержку населения и восстановление хозяйства. Основным инструментом, выступившим в деле организации помощи пострадавшим, стал калмыцкий общественный капитал. Между тем и общество не оставалось в стороне от трагедии. Каждый стремился внести посильную лепту в помощь однородцам, среди них были и представители буддийского духовенства.

Список литературы

1. Батыров, В. В. Социально-экономическое положение Калмыцкой степи во второй половине XIX в. по материалам обследования Астраханской губернии Н. Вревским / В. В. Батыров // Монголоведение. – 2018. – № 10 (3). – С. 34–53. – doi: 10.22162/2500-1523-2018-14-34-53.

2. Борисенко, И. В. Очерки исторической географии Калмыкии: дореволюционный период / И. В. Борисенко. – Элиста : КИОН, 1991. – 229 с.
3. Государственный архив Астраханской области. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 1704.
4. Государственный архив Ставропольского края. – Ф. 249. – Оп. 2. – Д. 1216.
5. Дуброва, Я. П. Быт калмыков Ставропольской губернии / Я. П. Дуброва. – Элиста : Калмыцкое книж. изд-во, 1998. – 181 с.
6. Команджаев, А. Н. Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии в конце XIX – начале XX века: исторический опыт и современность / А. Н. Команджаев. – Элиста : Джангар, 1999. – 262 с.
7. Команджаев, А. Н. Опустынивание калмыцких степей в конце XIX – начале XX века / А. Н. Команджаев, О. С. Манджиев // Вестник Калмыцкого университета. – 2013. – № 2 (18). – С. 22–30.
8. Лиджиева, И. В. Местное самоуправление калмыков в XIX – начале XX в. (историко-этнографический аспект) / И. В. Лиджиева. – Элиста : КалмНЦ РАН, 2016. – 336 с.
9. Лиджиева, И. В. Социально-правовой статус выборных должностных лиц Калмыцкой степи / И. В. Лиджиева // Oriental Studies. – 2014. – Т. 7, № 2. – С. 30–34.
10. Лиджиева, И. В. Финансово-хозяйственная основа местного самоуправления кочевых магометан степного Предкавказья в XIX – начале XX в. / И. В. Лиджиева // Государственная власть и местное самоуправление. – 2024. – № 3. – С. 3–12. – doi: 10.18572/1813-1247-2024-3-44-48.
11. Львовский, Н. В. Калмыки Большедербетовского улуса Ставропольской губернии / Н. В. Львовский. – 2-е изд. – Элиста : КалмНЦ РАН, 2022. – 156 с.
12. Научный архив Калмыцкого научного центра. – Ф. 4. – Оп. 2. – Д. 271.
13. Надбитов, Р. К. Социально-экономическое и общественно-политическое развитие Калмыкии в конце XIX – начале XX в. / Р. К. Надбитов. – Элиста : Калмыцкий ун-т, 2006. – 119 с.
14. Национальный архив Республики Калмыкия. – Ф. И-9. – Оп. 5. – Д. 12.
15. Национальный архив Республики Калмыкия. – Ф. И-9. – Оп. 5. – Д. 16.
16. Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. – Элиста : Наука, 1967. – 479 с.
17. Положение об управлении калмыцким народом // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – Санкт-Петербург : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского величества канцелярии, 1848. – Т. 22, ч. 1, № 21144. – С. 349–372.
18. Регионы Российской империи: идентичность, репрезентация, (на) значение / под ред. Е. Болтуновой, В. Сандерленда. – Москва : Новое литературное обозрение, 2021. – 304 с.
19. Российский государственный исторический архив. – Ф. 383. – Оп. 16. – Д. 20084.
20. Шургучиева, Ю. С. «Богач до первого бурана»: правительственные меры по преодолению последствий суровых зим в кочевых обществах / Ю. С. Шургучиева, М. С. Горяев // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2023. – № 2 (75). – С. 72–80. – doi: 10.54398/1818510X_2023_2_72.
21. Эрдниев, У. Э. Калмыки: историко-этнографические очерки / У. Э. Эрдниев, К. Н. Максимов. – 4-е изд., пераб. и доп. – Элиста : Калмыцкое книж. изд-во, 2007. – 429 с.

References

1. Batyrov, V. V. Sotsialno-ekonomicheskoe polozhenie Kalmytskoy stepi vo vtoroy polovine XIX v. po materialam obsledovaniya Astrahanskoy gubernii N. Vrevskim [Kalmyk Steppe in the Mid-to-Late 19th Century: Socio-Economic Conditions according to Survey Materials Collected by N. Vrevsky in Astrakhan Governorate]. *Mongolovedenie* [Mongolian Studies]. 2018, no. 10 (3), pp. 34–53, doi: 10.22162/2500-1523-2018-14-34-53.
2. Borisenko, I. V. *Ocherki istoricheskoy geografii Kalmykii: dorevolutsionnyy period* [Essays on the historical geography of Kalmykia: the pre-revolutionary period]. Elista: KION; 1991, 229 p.
3. *State Archive of the Astrakhan region*. Found 2, inventory 1, case 1704.
4. *State Archive of the Stavropol Territory*. Found 249, inventory 2, case 1216.
5. Dubrova, Ya. P. *Byt kalmykov Stavropolskoy gubernii* [Life of the Kalmyks of the Stavropol province]. Elista: Kalmyk book Publ. House; 1998, 181 p.
6. Komandzhaev, A. N. *Khozyaystvo i sotsialnye otnosheniya v Kalmykii v kontse XIX – nachale XX veka: istoricheskiy opyt i sovremennost* [Economy and social relations in Kalmykia in the late XIX – early XX century: historical experience and modernity]. Elista: Dzhangar; 1999, 262 p.
7. Komandzhaev, A. N., Mandzhiev, O. S. *Opustynivanie kalmytskikh stepey v kontse XIX – nachale XX veka* [Desertification of the Kalmyk steppes at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries]. *Vestnik Kalmyckogo universiteta* [Bulletin of the Kalmyk University]. 2013, no. 2 (18), pp. 22–30.

8. Lidzhieva, I. V. *Mestnoe samoupravlenie kalmykov v XIX – nachale XX v. (istoriko-jetnograficheskij aspekt)* [Local self-government of Kalmyks in the XIX – early XX century. (historical and ethnographic aspect)]. Elista: Kalmyk Scientific center of the RAS; 2016, 336 p.
9. Lidzhieva, I. V. Sotsialno-pravovoy status vybornykh dolzhnostnykh lits Kalmyckoy stepi [Social and Legal Status of Elected Officials of the Kalmyk Steppe]. *Oriental Studies*. 2014. 2014, no. 2, pp. 30–34.
10. Lidzhieva, I. V. Finansovo-khozyaystvennaya osnova mestnogo samoupravleniya kochevykh magometan stepnogo Predkavkazya v XIX – nachale XX v. [The Financial and Economic Basis of Local Self-Government of Nomadic Mohammedans of the Steppe Fore-Caucasus in the 19th to the Early 20th Century]. *Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie* [State power and local self-government]. 2024, no. 3, pp. 3–12. doi: 10.18572/1813-1247-2024-3-44-48.
11. Lvovskiy, N. V. *Kalmyki Bolshederbetovskogo ulusa Stavropolskoy gubernii* [Kalmyks of Bolshederbetovsky ulus, Stavropol province]. Elista: Kalmyk Scientific center of the RAS; 2022, 2nd ed., 156 p.
12. *Scientific archive of the Kalmyk Scientific Center*. Found 4, inventory 2, case 271.
13. Nadbitov, R. K. *Sotsialno-ekonomicheskoe i obshchestvenno-politicheskoe razvitie Kalmykii v kontse XIX – nachale XX v.* [Socio-economic and socio-political development of Kalmykia at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries]. Elista: Kalmyk University; 2006, 199 p.
14. *National Archive of the Republic of Kalmykia*. Found I-9, inventory 5, case 12.
15. *National Archive of the Republic of Kalmykia*. Found I-9, inventory 5, case 16.
16. *Ocherki istorii Kalmyckoy ASSR. Dooktyabrskiy period* [Essays on the history of the Kalmyk ASSR. Pre-October period]. Elista: Science; 1967, 479 p.
17. Polozhenie ob upravlenii kalmyckim narodom [Regulations on the management of the Kalmyk people]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie vtoroe* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Second meeting.]. St. Petersburg: Printing house of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery; 1848, vol. 22, part 1, no. 21144, pp. 349–372.
18. *Regiony Rossiyskoy imperii: identichnost, reprezentatsiya, (na) znachenie* [Regions of the Russian Empire: identity, representation, (on) meaning]. Ed. by E. Boltunova, V. Sanderlend. Moscow: New Literary Review; 2021, 304 p.
19. *Russian State Historical Archive*. Found 383, inventory 16, case 20084.
20. Shurguchieva, Yu. S., Goryaev, M. S. “Bogach do pervogo burana”: pravitelstvennye меры po preodoleniyu posledstviy surovyykh zim v kochevykh obshchestvakh [“Rich Before the First Storm”: Government Measures to Overcome the Effects of Severe Winters in Nomadic Societies]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2023, no 2 (75), pp. 72–80, doi: 10.54398/1818510H_2023_2_72.
21. Erdniev, U. Ye., Maksimov, K. N. *Kalmyki: istoriko-etnograficheskie ocherki* [Kalmyks: historical and ethnographic essays]. Elista: Kalmyk book Publ. House; 2007, 4th ed., rev. and add. 429 p.

Информация об авторах

Шургучиева Ю. С. – магистрант;

Батыров В. В. – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the authors

Shurguchieva Ju. S. – master's student;

Batyrov V. V. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов

Шургучиева Ю. С. – разработка концепции исследования, работа по выявлению источников, подготовка исходного текста;

Батыров В. В. – анализ историографии; доработка текста.

Contribution of the authors

Shurguchieva Ju. S. – development of the research concept, work on identifying sources, preparation of the source text;

Batyrov V. V. – analysis of historiography; revision of the text.

Статья поступила в редакцию 10.06.2024; одобрена после рецензирования 25.06.2024; принята к публикации 28.06.2024.

The article was submitted 10.06.2024; approved after reviewing 25.06.2024; accepted for publication 28.06.2024.